

М.В. Ларина

(РУДН – РХГА имени. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург)

**Специфика рождественской прозы в творчестве писателей первой
волны русской эмиграции**

Вашему вниманию представляется обзорный доклад, посвященный произведениям в жанре рождественской прозы, созданным русскими писателями, вынужденно покинувшими Россию в начале XX века.

Жанр рождественского рассказа или, шире, рождественская проза, в силу своей специфики – явление, связанное с атмосферой чуда, ожиданием сказочных событий, духовного преображения, с надеждой на будущее. Эти мотивы традиционно сопровождают зимние праздники, связаны с христианским культурным контекстом и народными традициями. Если говорить о русских писателях-эмигрантах первой волны, то в их творчестве рождественская проза приобретает особое значение: она становится не только способом художественного выражения, но и инструментом сохранения культурной памяти, средством этнической самоидентификации и духовной связи с утраченной Родиной.

Определение рождественской прозы как жанра в литературоведении остаётся предметом дискуссий. Ряд исследователей (Н.В. Капустин, В.Н. Захаров) предлагают различать «рождественский», «святочный» и «новогодний» рассказ, связывая их с христианской, народной и светской традициями соответственно. Однако в большинстве отечественных работ (М.А. Кучерская, Е.В. Душечкина, Х. Баран) данные понятия используются как синонимичные. В настоящем исследовании мы будем придерживаться этой традиции, рассматривая рождественскую прозу как единое жанровое явление,

а понятия «рождественская проза» и «святочная проза» будут использованы как синонимичные.

Главным формальным признаком произведений святочной прозы можно считать их календарную приуроченность к периоду от Рождества Христова до Крещения. Основными идеями исследуемого жанра являются покаяние, очищение человеческой природы, её возрождение через добро, милосердие и сострадание. В качестве ведущих содержательных элементов обычно выделяют тему семьи и относящиеся к ней мотивы домашнего очага, единения людей; мотив «рождественской звезды» и связанную с ним идею самопознания, смирения и упования на Бога даже в самых трудных жизненных ситуациях; мотив «ребёнок-спаситель»; мотивы дарения и чуда.

Особую нишу в этом тематическом направлении занимает творчество русских писателей, вынужденно покинувших Россию вследствие трагических событий первой половины XX века. Их рождественская проза – попытка воссоздать утраченный мир, сохранить живую ткань русской культуры в условиях изгнания. Произведения объединяет не только календарная приуроченность к праздникам, но и глубокая внутренняя потребность авторов восстановить связь с собственными духовными истоками. В этом контексте рождественская проза становится не просто данью традиции, а формой культурного и экзистенциального свидетельства. Обратимся к конкретным примерам.

Рассказ Тэффи «Сосед» представляет собой пронизанную теплом и светлой радостью «парижскую» историю из жизни молодой русской эмигрантки Кати Узбековой, которая знакомится с новым соседом – четырёхлетним толстым мальчиком Полем. Одна из жанровых особенностей святочного рассказа, сентиментальный сюжет, трансформируется в ностальгические переживания автора, переданные через восприятие *Другого*.

Мир русской культуры, рассыпанный на частицы, воссоздаётся через характерные детали и образы. Дружба Кати и Поля начинается с прагматической детали – мисочки борща, которым девушка угостила маленького француза. Так Поль посвящается в загадочный мир русских.

Быт семьи Узбековых представлен через восприятие маленького француза. Детство в творчестве Тэффи – в первую очередь, символическое пространство, где переплетаются воспоминания и реальность. Писательница часто использует образы детства для того, чтобы высмеять условности взрослого мира, показать скрытую парадоксальность бытия. В таком контексте реализуется модель «ребёнка как радикально *Иного*» (Hintz, Tribunella), когда дитя изображается личностью, принципиально отличающейся от взрослых, буквально – *из Другого мира*. В рассказе «Сосед» таким образом достигается эффект «двойного остранения»: взгляд мальчика воспроизводит образ волшебной, завораживающей, таинственной культуры, к которой принадлежит его новая русская подруга Катя.

Образ далёкой России тоже выстраивается из деталей, подмеченных и воспринятых чутким взором ребёнка: странный Новый год, который отмечается на четырнадцать дней позже, непонятные блюда, которые готовит Катя... Этот образ углубляется контрастом двух культур. Сказка, однако, быстро заканчивается: после праздников Узбековы переезжают, и маленький француз больше никогда их не встретит, но навсегда останется с ним воспоминание о «русской» квартире как о непонятном, волшебном мире. Катя делится с Полем живой памятью о родине, душевным теплом, озаряет его парижскую жизнь светом далёкой России. Можно сказать, что соприкосновение с чужой культурой становится для маленького Поля сказочным рождественским опытом переживания чуда.

Если у Тэффи Рождество – встреча с *Другим*, то у Евгения Гагарина оно становится точкой возвращения к *своему*. В повести «Поездка на святки» рождественская проза приобретает автобиографический и публицистический характер. Повествование распадается на рассказ о поездке гимназиста Воронихина в деревню к родителям и на отступления повзрослевшего автора-эмигранта. Здесь время святок знаменует начало исторического перелома, после которого остаётся лишь память. Повесть наполнена образами природы, быта, православной службы, народных традиций. Особенно ярко противопоставляется рождественская литургия в деревенской церкви западному протестантскому богослужению с «чинными бюргерами», которое уже повзрослевший автор посещает в Германии. Родина – это и природа, и люди, и молитва матери, и снег, и волки, и сбитень, и звезда. Финал повести предсказуем: герой уезжает из дома, уезжает во мглу истории, откуда вернётся только к пепелищу. Эмиграция здесь не столько физический уход, сколько окончательное расставание с родной культурой, сохранившейся лишь в воспоминаниях.

На фоне ностальгических и духовных интонаций предыдущих произведений рассказ Аркадия Аверченко «Продувной мальчишка» резко выделяется своей социальной направленностью и ироничной тональностью. Здесь праздник Рождества лишен привычной сентиментальности, герои находятся в борьбе за выживание. Мальчик Володька, мечтает о ёлке, но сталкивается с бедностью и равнодушием. Найденный «бриллиант» оказывается стекляшкой, а попытка продать его – провалом. Аверченко создаёт живой образ ребёнка, который сам устраивает праздник себе и маме, собственной смекалкой заработав на ёлочку и подарки. «Продувной мальчишка» – пример того, как рождественская проза может выполнять функцию социальной критики, разрушая канон праздничного идеала.

В подобном ключе создан рассказ Саши Чёрного «Рождественский ангел», однако здесь повествование возвращается к лирическому, вновь появляется мотив чуда, хоть и рукотворного. Девочка из богатой семьи, проявившая милосердие к одинокой нищей матери троих детей, неожиданно устраивает для бедных настоящий праздник. Это событие – момент катарсиса, встречи с добром. Через образ ангела автор передаёт идею духовного спасения, веры в чудо несмотря ни на что. Святочная проза Саши Чёрного – одновременно простая и глубокая, аллегоричная и человеческая.

Мотивы света и добра ключевые и в рождественских главах повести Ивана Шмелёва «Лето Господне». Автор создаёт своеобразную «икону» праздника – повествование, насыщенное этнографическими деталями и религиозной символикой. Его Рождество – не событие, а состояние души, в котором сливаются вера, ностальгия и детское восприятие мира. Повествование ведётся от лица диегетического нарратора, взрослого эмигранта, вспоминающего себя ребёнком, свои детские ощущения. Этот голос звучит, придавая тексту особую интонацию светлой грусти. В описании рождественского базара, службы, семейного ужина, хождения со звездой, Шмелёв воссоздаёт не только атмосферу праздника, но и целостный идеализированный образ дореволюционной России как духовной родины. В этом смысле «Лето Господне» близко к повести Е. Гагарина, но отличается большей созерцательностью, жизнерадостной интонацией. Если у Гагарина Рождество – последняя вспышка света перед исторической катастрофой, то у Шмелёва оно – вечный свет, не подвластный времени и истории.

Камерную, интимную версию рождественской прозы предлагает Василий Никифоров-Волгин в рассказе «Серебряная метель». Это воспоминание о детстве, насыщенное светлой грустью, религиозной чувствительностью и поэтическим восприятием мира. Повествование ведётся

от лица мальчика, для которого Рождество связано с атмосферой предвкушения волшебства. Чудо «уже обдаёт снежной пылью», «поёт в церкви за всенощной» и «снится по ночам в виде весёлой серебряной метели». В. Никифоров-Волгин создаёт интимную рождественскую миниатюру, в которой важны не события, а ощущения: запах хвои, морозные узоры на окне, ожидание ёлки и подарков, детская молитва, страх лишиться праздника из-за плохих отметок. Особое место занимает образ метели – не враждебной стихии, а светлого, почти ангельского присутствия, символа приближающегося Рождества. В финале рассказа мальчик поёт рождественский тропарь, путая слова («волки со звездой путешествуют»), и плачет от жалости к младенцу Христу, которому, как он думает, было холодно в яслях. Этот эпизод – квинтэссенция всех аспектов рождественской прозы: наивной веры, сопричастности, сострадания.

Совершенно иного рода история представлена в рассказе Ивана Бунина «Волхвы» из цикла «Провансальские пересказы». Это поэтическая интерпретация евангельского сюжета, выполненная в духе символизма и модернистской прозы. И. Бунин пересказывает историю поклонения волхвов Младенцу Христу, но делает это в особой манере: возвышенный, архаичный стиль, насыщенный метафорами и библейскими аллюзиями. В центре – мифопоэтическое действо; Рождество предстает как вселенское событие, преображающее мир. Волхвы – символы духовного пути, поиска истины, смирения перед тайной. Бунин избегает сентиментальности, бытовых деталей, автобиографизма. Его рождественская проза вне времени и пространства, она обращена к вечности.

Таким образом, рождественская проза русских писателей первой волны эмиграции представляет собой многослойное явление, в котором рождественская тематика переплетается с мотивами памяти, утраты,

сохранения культурной идентичности и экзистенциального поиска. Особенности этих произведений, сочетание сентиментальности и иронии, автобиографизма и аллегии, бытовых деталей и философских размышлений, делают эмигрантскую рождественскую прозу уникальным явлением русской литературы. В данном контексте литература становится способом этнической самоидентификации, окном в ушедшую эпоху. В условиях изгнания рождественский рассказ превращается в акт духовного сопротивления, в попытку восстановить утраченные связи, передать будущим поколениям живую ткань русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверченко А.Т. Продувной мальчишка // Аверченко А.Т. Рассказы. М. : Эксмо, 2010. С. 215–220.
2. Базылева Н.С. Эволюция жанра «рождественский рассказ» // Юный ученый. 2016. № 6 (9). С. 1–4.
3. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М. : Прогресс-Универс, 1993. 329 с.
4. Бунин И.А. Волхвы // Бунин И.А. Провансальские пересказы. М. : АСТ, 2018. С. 45–49.
5. Гагарин Е. Возвращение Корнета. Поездка на святки. Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1953. С. 5–71.
6. Душечкина Е.В. Русский святочный рассказ. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 256 с.
7. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. Режим доступа: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (дата обращения: 26.08.2025).
8. Капустин Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Страх»: жанровые особенности // Вопросы литературы. 2021. № 3. С. 11–17.
9. Никифоров-Волгин В. Серебряная метель // Никифоров-Волгин В. Стихи и рассказы. М. : Русский путь, 2006. С. 112–117.
10. Петрашко Т. Детство как категория художественного мышления в прозе Тэффи // Вестник ТГПУ. 2018. № 4. С. 93–100.

11. Саша Черный. Рождественский ангел // Саша Черный. Рассказы и стихи. – СПб. : Азбука, 2015. С. 98–101.
12. Тэффи Н. Сосед // Тэффи Н. Избранное. М. : АСТ, 2011. – С. 318–322.
13. Шмелёв И.С. Лето Господне. М. : Русский путь, 2001. – С. 145–180.
14. Hintz K., Tribunella E.L. Reading Children's Literature: A Critical Introduction. Boston : Bedford/St. Martin's, 2013. P. 52–53.